

С. Воложин
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОДНОЙ ОКОЛОЛИТЕРАТУРНОЙ ДИСКУССИИ

Александр Волкович. 22.02.2015.

Нашел в интернете кричащее стихотворение, оно гуляет в сети уже давно. Предлагаю для обсуждения.

МЕНЯ ЛЕЧИЛ ДОНЕЦКИЙ ВРАЧ

Мам, я в плену, но ты не плачь.
Заштопали, теперь как новый.
Меня лечил донецкий врач,
Уставший, строгий и суровый.

Лечил меня. Ты слышишь, мам:
Я бил по городу из «Градов»,
И полбольницы просто в хлам,
Но он меня лечил: «Так надо».

Мам, я — чудовище, прости.
В потоках лжи мы заблудились.
Всю жизнь мне этот крест нести.
Теперь мои глаза открылись.

Нас провезли по тем местам,
Куда снаряды угодили.
А мы не верили глазам:
Что мы с Донбассом натворили!

В больницах раненых полно.
Здесь каждый Киев проклинает.
Отец, белей чем полотно,
Ребенка мертвого качает.

Мать, я — чудовище, палач.
И нет здесь, мама, террористов.
Здесь только стон людской и плач,
А мы для них страшней фашистов.

Нас, мам, послали на убой,
Не жалко было нас комбату.
Мне ополченец крикнул: «Стой!
Ложись, сопляк!» — и дальше матом.

Он не хотел в меня стрелять.
Он — Человек, а я — убийца.
Из боя вынес! Слышишь, мать,
Меня, Донбасса кровопийцу!

Мам, я в плену, но ты не плачь.
Заштопали, теперь как новый.
Меня лечил донецкий врач,
Уставший, строгий и суровый.

Он выполнял врачебный долг,
А я же, от стыда сгорая,
Впервые сам подумать смог:
Кому нужна война такая?

Точное имя автора этого стихотворения неизвестно. В одних интернет-источниках указывается фамилия Сергей Гусев, в других – Анатолий Корешков. Однако заданный в тексте вопрос «Кому нужна война такая?» – буквально кричит. И это правда.

Воложин – Волковичу. 22.02.2015.

Настоящее (в смысле неприкладное) искусство здесь, в клубе, было ГОРЛОВСКИЕ РАССКАЗЫ (перепечатку см. [TVT](#)). В них была такая эстетическая реальность, как противоречивость отстранённости тона с чудовищностью содержания. Обе – осознаваемые. Которые в совокупности дают подсознательный катарсис. Люди плачут, мне писали. В них, по-моему, была и другая эстетическая реальность, другой подсознательный элемент – задыхающийся ритм, образно работающий на то же, что и противоречивость (художественность).

Ненастоящим (чисто от злости) называю я всё остальное искусство – прикладное искусство (призванное, в частности, усиливать заранее известное переживание). Оно не пользуется эстетической реальностью первого рода (противоречивостью-художественностью). Но хоть есть – второго – образность, и иногда она даже подсознательная.

А есть ещё неискусство, например, публицистика, в частности, публицистика в стихах. Например, лермонтовская «На смерть поэта», или «Прощай, немытая Россия» (впрочем, тут оспаривается учёными авторство Лермонтова). В ней даже образности нет или почти нет. И совсем нет подсознательного момента. Риторика и всё.

Вот к последнему и относится приведённое вами стихотворение. К искусству оно отношения не имеет. У него есть лишь совпадение с прикладным искусством по функции – усиление заранее известного чувства: именно того, какое бывает у просто людей к нацистам.

Это не есть плохо само по себе. Плохо другое – ложь.

Она не сразу видна, и я поясню.

Нацист, чувствуя себя существом высшего порядка, не может чувствовать раскаяние оттого, что нагнулся над полем, которое он поливал ядом, и увидел умерщвлённых им колорадских жуков. Он для того их и травил, что они вредные.

Вы вспомните (если заметили), что за время с сентября (со второго перемирия) ополченцы на сколько-то отодвинули линию противостояния по направлению в сторону киевской стороны. Это даже вошло в текст последних Минских соглашений. Киевские отводят тяжёлую технику от линии противостояния, а ополченцы (по предложению Путина) – от линии сентябрьской.

Вы вспомните также, что там очень густонаселённая местность. Через каждые пару километров – посёлок. То есть, раз ополченцы за время второго перемирия продвигались,

то – по живому. Палили по жилым домам. Не исключено, что и градами. То есть совершали военное преступление. Такое же по качеству, как и киевские войска.

То есть, киевские войска, отвечая тоже военным преступлением, не чувствовали себя нацистами. По качеству, не по количеству, по крайней мере.

То есть вероятность прозрения, описанная в стихотворении, минимальна.

Она подтверждается и фактически. Из всех сдавшихся в Дебальцево нескольких сотен с киевской стороны не согласился на обмен себя в числе пленных только один человек. На сегодня, по крайней мере.

То есть человек, сочинивший стихотворение от имени воевавшего на киевской стороне, сам находился на стороне ополченцев или вообще был в России и был оболванен российским центральным телевидением, абсолютно игнорирующим стрельбу ополченцев по домам. Более того, разрушение Дебальцево оно, российское центральное ТВ, тоже приписывает киевской стороне, хоть ополченцы на него наступали, следовательно, обстреливали.

Зная всё это, после прочтения стихотворения становится противно. Несмотря на уверенность, что Киев намного превзошёл ополченцев по части военных преступлений. Вряд ли ополченцы лупили на расстояние в 15 километров, как это делал Киев.

А вас понять можно. Вы человек не критичный. Вас российское центральное ТВ обработало. Наверно, его в Германии можно с тарелкой смотреть.

Кстати, я не осуждаю российское ТВ. Нужно, чтоб находились добровольцы – вот оно соответственно себя и ведёт. На войне как на войне.

Вдогонку.

У слова «искусство» есть широкое понимание слова: нечто, здорово сделанное. Есть, например, ораторское искусство. Знаменитые адвокаты, пишут, умеют заставить публику в суде плакать. От этого стихотворения тоже невольно наворачиваются слёзы. Это – от мастерovitости. Автор знает, что нужно ошеломить. И вот ополченец в противника (в лирического «я») во время боя... не стреляет. Тут на секунду забыто, что лирическое «я» - раненный. Через секунду вспомнено, и – новая неожиданность: ополченец бросает бой, чтоб вынести раненного. Но это и не важно для впечатления. Вы ж загипнотизированы ритмом и рифмой. Неожиданным представлен и сам факт качественного лечения пленного. Парадоксален и сюжет письма... домой (разговаривать же по мобильнику так долго не дадут), чего не может быть через линию противостояния.

И столкновение этих противоречий естественно (такова нейрoлогия человеческого мозга) вызывает слёзы. И автор достоин похвалы. Но эти противоречия рождены не подсознанием, а знанием, как заставить вас, своего, пророссийского, читателя расчувствоваться.

По чему я сужу, что не из подсознания эти противоречия? – Из-за обмолвки про **«террористов»**. Антитеррористической официальной операцией против Донбасса названа из-за того, чтоб не исключать военную помощь с Запада. Ограниченная, мол, операция по спасению самих дончан от экстремистских элементов, терроризирующих население ради удовлетворения чувства вседозволенности. Если б раненные террористы таки лежали в больнице рядом с лирическим «я», то их бы ненавидели соседи-раненные, пострадавшие от террористов же. А их не ненавидят. Следовательно, это не террористы. И прозревший «я» прав. Но, ранее думая про террористов, нельзя было ему бить **«по городу из «Градов»**». Чтоб бить, иметься в виду должны б были не террористы, а сепаратисты. Вести дипломатию с матерью «я» нечего было. Зачем же такая непоследовательность? Из-за глупости автора? – Не исключено. Но вероятнее другое. Ему нужно подальше отвести от здоровой мотивировки, почему вообще «я» пошёл воевать и почему ожесточился: от идеи защиты единства страны от сепаратистов, которыми оказалось большинство населения. То есть автор видит единственную причину действий

рядовых участников киевской стороны «**В потоках лжи**». А такая нечувствительность к чужому, такая тенденциозность естественно порождает чёрно-белое осознанное отношение: наше – ультрахорошее, чужое – ультраплохое, «**страшней фашистов**». Наш не стреляет в нациста, наш, чтоб нациста вынести, выходит из боя, нацист, будучи нелюдем, удивляется, что его лечат. То есть – совершенные умопостроения. А не продукт подсознания.

Но – хлётко. Хлётко. Заставляет мокнуть глаза.

23 февраля 2015 г.